

наемных сельскохозяйственных работников, или же перейти в Рим (или в какой-нибудь ближайший город). Вначале, очевидно, они предпочитали уходить в город, по той причине, что города, находившиеся тогда в стадии быстрого роста, предлагали работу желающим, а также вследствие возможности получать, особенно в Риме, свою долю при раздачах съестных припасов, если и не всегда даром, то, по крайней мере, по очень низкой цене.

Однако в тот период, когда в результате массового переселения свободных земледельцев потребность города в людях была полностью удовлетворена, когда города стремились уменьшить огромные расходы фиска, связанные с необходимостью кормить чрезмерно большое количество людей, участвующих во *frumentationes*, — единственным средством спасения в тот период стала эмиграция. Действительно, большая часть военных и гражданских лиц, которые населяли новые колонии, создававшиеся в провинциях, вербовалась, очевидно, из тех людей, которые незадолго до этого были свободными собственниками-земледельцами и теперь с радостью пользовались возможностью вновь — уже за пределами Италии — обрести утраченную ими собственность. Наряду с колонизацией, организованной государством, большую роль играла также не контролируемая государством эмиграция многих людей, которые отправлялись в провинции, сопровождая должностных лиц, откупщиков, торговцев, или же без определенной цели, в поисках счастья.

Несмотря на то, что количество эмигрантов невозможно определить даже приблизительно, представляется несомненным, что эмиграция достигла весьма значительных размеров: главным образом именно благодаря эмиграции процесс романизации провинций Запада прошел столь быстро и пустил столь глубокие корни, что впоследствии на протяжении столетий и тысячелетий эти области, несмотря на германские вторжения, оставались романизованными.

Вскоре на большей части полуострова обнаружили последствия эмиграции, а равным образом сокращения рождаемости (уже в правление Августа рождаемость весьма резко сократилась среди высших классов и, несомненно, столь же резко среди рабов) и последствия малярии, которая превратила береговую полосу Мареммы, Понтийскую область и район Тарентского залива